

Н. А. ГРЕДЕСКУЛЬ.

РОССІЯ И ЕЯ НАРОДЫ.

**„ВЕЛИКАЯ“ РОССІЯ, КАКЪ ПРОГРАММА РАЗРѢ-
ШЕНІЯ НАЦІОНАЛЬНАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ.**

ЭВОЛЮЦІЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. — ГОСУДАРСТВО,
КАКЪ „ОТЕЧЕСТВО“. — НАЦІОНАЛЬНОСТИ ВЪ ГО-
СУДАРСТВѢ. — РАЗРѢШЕНІЕ НАЦІОНАЛЬНАГО ВО-
ПРОСА. — „ВЕЛИКОЕ“ ГОСУДАРСТВО. — БЫТЬ-ЛИ
РОССІИ „ВЕЛИКИМЪ“ ГОСУДАРСТВОМЪ? — СТА-
НЕТЪ-ЛИ ОНА „ОТЕЧЕСТВОМЪ“ ДЛЯ СВОИХЪ НА-
:: РОДОВЪ? ::

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой. 7 мая 1916 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тема настоящей книжки, если выразить ее двумя, но самыми важными словами, — есть тема о „Великой Россіи“. И эта тема, надо въ этомъ признаться, сразу-же способна вызвать недоразумѣнія со стороны читателя.

Дѣло въ томъ, что идея „Великой Россіи“ уже побывала въ извѣстныхъ рукахъ, и даже больше того: она вышла изъ извѣстныхъ рукъ. Она вышла изъ рукъ покойнаго П. А. Столыпина. Она побывала въ рукахъ П. Б. Струве. И оба наложили на нее свою извѣстную печать.

Покойный Столыпинъ пустилъ въ ходъ и вмѣстѣ присвоилъ себѣ идею „Великой Россіи“ извѣстными много нашумѣвшими въ свое время словами одной изъ своихъ рѣчей: „Противникамъ государственности хотѣлось-бы избрать путь радикализма, путь освобожденія отъ историческаго прошлаго Россіи, освобожденія отъ культурныхъ традицій. Имъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія“.

Какъ „противники государственности“ въ устахъ Столыпина, съ одной стороны, такъ и „приверженцы“ ея вмѣстѣ съ самимъ Столыпинымъ съ другой — величины, политически столь опредѣленныя, что отрицаніе идеи „Великой Россіи“ у однихъ изъ нихъ и присвоеніе ея другимъ, конечно, не могло не наложить на самую эту идею вполнѣ опредѣленной печати.

Изъ рукъ Столыпина идею „Великой Россіи“ воспринялъ П. Б. Струве. Я говорю такъ, потому что приведенными словами Столыпина Струве началъ свою извѣстную статью о „Великой Рос-

сиа", а своей цѣлью въ этой статьѣ онъ поставилъ осмыслить по своему формулу „Великой Россіи“, всего значенія которой, по его предположенію, Столыпинъ могъ и не сознать.

Что-же обозначаетъ собою „Великая Россія“ — въ устахъ П. Б. Струве?

Государство, по мнѣнію Струве, есть „организмъ“, или еще лучше: „есть какъ-бы нѣкая личность, у которой есть свой верховный законъ бытія“. Этотъ верховный законъ государственнаго бытія гласитъ: „всякое здоровое и сильное государство... желаетъ быть могущественнымъ. А быть могущественнымъ значитъ обладать непременно внѣшней мощью“. — И вотъ, понятіе „великаго“ государства готово: это внѣшне могущественное государство! Если для „внѣшняго могущества“ государства нужны еще и „внутреннія условія“ — экономика и культура — Струве это знаетъ — то все-же они составляютъ только средство для цѣли*.

Но „внѣшнее могущество“ государства едва-ли не необходимо включаетъ въ себѣ тенденцію къ территоріальному „расширенію“, — въ такой мѣрѣ необходимо, что безъ этого расширенія нѣтъ, собственно, и „великаго государства“. Поэтому и „Великая Россія“,

* Можетъ быть, уместно будетъ здѣсь отмѣтить, что все это ученіе Струве о государствѣ, въ сущности, есть только сколокъ съ ученія о государствѣ знаменитаго нѣмецкаго историка Трейчке. Трейчке уже давно училъ, что государство есть нѣкая личность („eine Persönlichkeit"); что самое существо его заключается въ томъ, что оно есть сила („der Staat Macht ist"), и онъ считалъ это даже не относительной, а абсолютной исторической истиной. „Высшимъ нравственнымъ (?) закономъ" для государства онъ считалъ „заботу о своемъ могуществѣ" („für seine Macht zu sorgen"), „самоутвержденіе" себя государствомъ, какъ силы. По выраженію Трейчке, такое самоутвержденіе („die Selbstbehauptung") для государства „абсолютно-нравственно" („absolut sittlich"), а его самоотрицаніе въ этомъ отношеніи („die Verleugnung der eigenen Macht") было бы „преступленіемъ противъ Духа Святого" („die Sünde wider den heiligen Geist"). — Все это чудовищное „обожествленіе" государства, и обожествленіе его именно, какъ силы, давно проповѣдывавшееся Трейчке въ его знаменитыхъ лекціяхъ о политикѣ (всѣ вышеприведенныя цитаты взяты мною изъ перваго тома „Politik" Трейчке), воспринято Струве, какъ высшая мудрость въ ученіи о государствѣ. Здѣсь, такимъ образомъ, лежатъ идейные корни и его „Великой Россіи", — это „Великая Россія" на нѣмецкій ладъ, на нѣмецкихъ государственныхъ основахъ.

по Струве, есть Россія, стремящаяся къ расширенію. Куда-же это? Струве рѣшительно отвергаетъ Дальній Востокъ, онъ рѣшительно предпочитаетъ въ этомъ отношеніи Востокъ Ближній. И, вотъ, тутъ-то и получается окончательная формула „Великой Россіи“. „Для созданія Великой Россіи, пишетъ Струве, есть только одинъ путь: направить всѣ силы на ту область, которая дѣйствительно доступна реальному вліянію русской культуры. Эта область — весь бассейнъ Чернаго моря, т. е. всѣ европейскія и азіатскія страны, выходящія къ Черному морю“. А главный нашъ ресурсъ для достиженія этой цѣли по Струве — донецкій каменный уголь. Струве такъ увлеченъ этой мыслью, что заявляетъ слѣдующее: „Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что только на этомъ черномъ минералѣ можно основать Великую Россію“ *.

Вотъ идея „Великой Россіи“ въ редакціи Струве. По истинѣ, она не далеко ушла отъ идеи Столыпина. И у Струве она остается чисто внѣшней, — и у него она заполнена только однимъ „могуществомъ“, и у него ея цѣль не внутреннее устроение, а внѣшнія пріобрѣтенія, — и у него она зиждется тоже на „черныхъ“ основахъ: правда, не на „черной“ реакціи, но за то на „Черномъ“ морѣ и на „черномъ“ минералѣ.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я уже заранѣе прошу читателя имѣть въ виду, что въ моей идеѣ „Великой Россіи“ я вовсе не являюсь продолжателемъ ни П. А. Столыпина, ни П. Б. Струве. Моя формула „Великой Россіи“ зиждется не на внѣшнихъ, а на внутреннихъ основаніяхъ; она есть формула внутренняго государственнаго благоустроенія, а не внѣшняго государственнаго расширенія; путь къ этой „Великой Россіи“ лежитъ у меня не черезъ Черное море, а черезъ дружбу народовъ, населяющихъ Россію, и въ этомъ смыслѣ „Великая Россія“ — есть для меня программа правильнаго разрѣшенія національнаго вопроса въ Россіи. Такую „Великую Россію“ я предлагаю вниманію „державной“ народности въ Россіи, и я рассчитываю, что эта-же „Великая Россія“ станетъ общимъ государственнымъ идеаломъ для всѣхъ другихъ національностей, живущихъ въ Россіи.

Впрочемъ, я надѣюсь, что читатель увидитъ все это и самъ если захочетъ прочитать не только это предисловіе, но и самую.

* Всѣ цитаты взяты изъ статьи Струве „Великая Россія“, перепечатанной имъ въ сборникъ его статей „Patriotica“, СПб., 1911.

книгу. Повторяю: ея тема — есть тема о „великой“, желанной намъ всѣмъ Россіи. И я былъ-бы очень радъ, если-бы моими слабыми усиліями мнѣ удалось придать этой формулѣ иной, чѣмъ прежде, болѣе правильный смыслъ.

Россія и ея народы.

Какова будетъ судьба Россіи, какъ государства, послѣ нынѣшней войны — вотъ вопросъ, котораго нельзя намъ не поставить передъ собою въ тяжкій часъ нынѣшняго историческаго испытанія. Мы, какъ и наши союзники, сражаемся за наше существованіе, сражаемся за свободу нашего дальнѣйшаго развитія. Но зачѣмъ, собственно, мы будемъ существовать? и въ какую сторону пойдетъ наше развитіе? — вотъ вопросы, отвѣтами на которые только и опредѣлится самая цѣна приносимыхъ нынѣ тяжкихъ жертвъ: за что онѣ, собственно, приносятся и чѣмъ онѣ окупятся.

Простое существованіе такъ же не удовлетворительно для современнаго государства, какъ и для современнаго человѣка. Требуется достойное существованіе, нужно оправданіе своего существованія выполненіемъ достойныхъ задачъ. Какія же перспективы въ этомъ отношеніи передъ нашимъ государствомъ? какія задачи и какъ будетъ оно выполнять? Будетъ ли его существованіе дѣйствительно таково, чтобы оправдать тѣ жертвы, какія за него въ настоящее время приносятся, — приносятся не только кореннымъ русскимъ населеніемъ, но и другими народами, которые вмѣстѣ съ нами живутъ?

На всѣ эти вопросы мы и попытаемся отвѣтить въ настоящей статьѣ. Но скажемъ уже заранѣе и прямо: правильный отвѣтъ на нихъ совершенно невозможенъ, если упускать изъ виду самый важный здѣсь фактъ, а именно тотъ фактъ, что Россія есть государство *многонаціональное*, — что кромѣ русскихъ въ ней живутъ много другихъ народовъ. Вопросъ о сожителствѣ многихъ народовъ внутри одного государства есть центральный вопросъ современной государственной жизни, и онъ поставленъ у насъ исторіей не съ меньшей, а съ большей силой, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ. Кто этого не понимаетъ, — кто

не понимаетъ того, что наша государственная судьба, въ послѣднемъ счетѣ, зависитъ отъ того, какую судьбу мы будемъ готовить въ нашемъ государствѣ другимъ народамъ, въ немъ живущимъ, — кто не понимаетъ этого первостепеннаго значенія *національнаго* вопроса въ современной государственной жизни, — тому бесполезно и браться въ настоящее время за разрѣшеніе всѣхъ указанныхъ выше вопросовъ. Нельзя обсуждать просто судьбу Россіи, — надо обсуждать судьбу Россіи вмѣстѣ съ судьбою живущихъ въ ней народовъ.

Мы такъ и поступаемъ въ настоящей статьѣ. Ея тема: судьба Россіи, какъ государства, послѣ войны, но ея заглавіе только и можетъ быть тѣмъ, какое мы ей дали: Россія и ея народы.

Наконецъ, еще одно предварительное замѣчаніе. Чтобы обсужденіе государственной судьбы Россіи не являлось, такъ сказать, висящимъ въ воздухѣ, чтобы оно не представлялось только фантазіей автора, необходимо вставить его въ рамки эволюціи государства вообще, т. е. надо предпослать ему изложеніе тѣхъ результатовъ государственной жизни, къ какимъ привела эта эволюція. Мы дѣлаемъ и это. Наша статья распадается поэтому на двѣ части: общую и специально русскую.

Эволюція государства.

I.

Государство, какъ отечество.

1.

Формой общежитія, въ которой живетъ современное человечество, является государство. И это форма всеобщая и необходимая. Въ государствѣ нѣтъ и не можетъ быть широкаго, разносторонняго и длительнаго общественнаго развитія.

Однако, государство все же не «изначально», какъ думали нѣкоторые. Оно возникаетъ, — и возникаетъ подъ вліяніемъ и настрѣчу одному факту: тому суровому и печальному факту человѣческой исторіи, который и донынѣ составляетъ ея неустрашенную принадлежность — настрѣчу войнѣ. Государство возникаетъ какъ средство для того, чтобы живущіе за его оградой

могли успѣшнѣе бороться съ другими человѣческими группами въ той беспощадной борьбѣ, которая именуется войной.

По этой причинѣ и само государство есть образованіе суровое, даже грубое. Оно есть организація силы, оно есть прежде всего военный аппаратъ, и пока существуютъ войны, этотъ его характеръ не можетъ быть изъ него устраненъ, ибо это значило бы рисковать самымъ его существованіемъ. Цѣли войны и донынѣ всѣмъ своимъ вѣсомъ тяготѣютъ надъ государствомъ. Мы, современники, можемъ засвидѣтельствовать это лучше, чѣмъ кто бы то ни было другой.

А что же собой обозначаетъ такое «военное» устройство человѣческаго общежитія для его внутренней жизни, т. е. для тѣхъ живыхъ людей, которые въ немъ живутъ, которые имѣютъ свои собственные потребности, цѣли, стремленія, интересы и пр.?

Оно обозначаетъ подчиненіе ихъ необходимости, въ случаѣ надобности, жертвовать всѣмъ для государства, — жертвовать при томъ *принудительно*, а не въ мѣру одной доброй воли. Оно обозначаетъ подчиненіе ихъ суровой дисциплинѣ безпрекословнаго повиновенія институту государственной власти. И послѣднее и есть самое главное въ государственной жизни.

Государственная организація есть, собственно, организація власти. Быть государственный отличается отъ быта до-государственнаго, родового или племенного, именно устройствомъ власти. Власть теряетъ здѣсь свой прежній, если можно такъ выразиться, натуральный, семейный, родственный и потому весьма неопредѣленный и неупорядоченный характеръ, и становится прочнымъ — постояннымъ и правильнымъ — учрежденіемъ, снабженнымъ ничѣмъ не ограниченными полномочіями. Русское слово «государство» отлично все это выражаетъ: оно, вѣдь, какъ разъ и обозначаетъ господство, т. е. господство, или властвованіе.

Итакъ, государство, съ одной стороны, даетъ тѣмъ, кто въ немъ живетъ, великое, ничѣмъ не займимое благо, — благо, безъ котораго всѣ другія блага теряютъ всякую цѣну — а именно внѣшнюю безопасность, но, съ другой стороны, оно налагаетъ на нихъ и бремя, бремя тяжкое, — бремя жертвъ и повиновенія. Гражданинъ государства, когда это понадобится, долженъ все приносить въ жертву государству, и онъ долженъ дѣлать это, безпрекословно повинаясь государственной власти. А если принять

во вниманіе, что власть есть человѣческое учрежденіе, и что уполномоченная, въ лицѣ своихъ носителей, повелѣвать гражданами во имя цѣлей государственныхъ, она можетъ пользоваться и обыкновенно пользуется своими полномочіями также и для цѣлей личныхъ, то придется придти къ выводу, что эта *тягота* или *бремя* государства, по крайней мѣрѣ, для подвластныхъ, а ихъ, конечно, въ государствѣ огромное большинство, становится отъ этого еще тяжелѣе. Вѣдь самое дѣленіе на властвующихъ и подвластныхъ — есть характерная принадлежность именно государственнаго быта, и оно осложняетъ собою всю внутреннюю жизнь въ государствѣ, — осложняетъ къ невыгодѣ большинства гражданъ, къ невыгодѣ народныхъ массъ. И если бы характеръ государства, его существо и природа, складывались только изъ описанныхъ уже мною чертъ, то съ точки зрѣнія тѣхъ, кто въ немъ живетъ (по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства), государство надо было бы считать, правда, безусловно *необходимымъ*, но все же лишь *необходимымъ зломъ*. Ибо обезпечивая отъ зла еще большаго (внѣшняго нападенія), оно достигало бы этого причиненіемъ людямъ также зла, но только сравнительно меньшаго. И, какъ извѣстно, такая характеристика государства, — какъ *необходимаго зла* — дѣйствительно высказывалась и донынѣ находить себѣ сторонниковъ.

2.

Однако, государство не остается въ исторіи на степени только необходимаго зла; оно, напротивъ, вырастаетъ въ добро, и добро весьма цѣнное для человѣчества. Какъ же это происходитъ?

Обращаясь къ положительнымъ, благотѣльнымъ функціямъ государства во внутренней жизни человѣчества, нельзя прежде всего не замѣтить, что тенденція въ эту сторону, какъ это ни покажется, можетъ быть, страннымъ на первый взглядъ, заложена въ природѣ государства, какъ учрежденія военнаго. Иными словами, эта тенденція не привходитъ въ государство извнѣ и въ послѣдствіи, а она *имманентна* ему съ самаго начала. Въ самомъ дѣлѣ, основная цѣль государства быть внѣшнимъ могуществомъ, чтобы побѣждать враговъ и давать безопасность своимъ гражданамъ — это первое и самое главное звено во внутренней логикѣ, во внутренней цѣлесообразности государства. Но вѣдь это первое

звено требуетъ себѣ тотчасъ второго, дальнѣйшаго звена въ организаціи и дѣятельности государства. Могущество во-внѣ достигается соединеніемъ и организаціей силъ. Но если такъ, то, значить, прежде всего надо, чтобы эти внутреннія, предназначенныя къ соединенію и организаціи въ государствѣ, силы не растрачивались понапрасну борьбой между самими гражданами, — т. е., значить, надо, чтобы человѣческое общежитіе было замирено внутри. Государство во-внѣ воюетъ, но именно поэтому внутри оно должно умиротворять. Это только выводъ изъ требованія внѣшняго могущества государства.

И государство, дѣйствительно, усваиваетъ себѣ этотъ выводъ. Оно уже очень рано предъявляетъ къ гражданамъ требованіе, чтобы они прекратили всякія внутреннія междоусобія, оно запрещаетъ имъ, такъ называемую, родовую месть, самоуправство и пр. А требуя отъ гражданъ, чтобы они изъ-за своихъ ссоръ и распрей не предпринимали насильственныхъ дѣйствій другъ противъ друга, государство не можетъ не сдѣлать и слѣдующаго шага: взять на себя разборъ этихъ ссоръ и обезпечить имъ, какъ справедливое ихъ разрѣшеніе, такъ и фактическое осуществленіе того, что будетъ признано справедливымъ. Словомъ, государство не только механически замиряетъ общежитіе, но соотвѣтствующими мѣрами поддерживааетъ въ немъ порядокъ и справедливость, т. е. беретъ на себя правовую задачу по отношенію къ общежитію. Однако, и на этомъ дѣлю не кончается, — та же самая «военная» логика государства влечетъ его и дальше.

Могущество государства требуетъ *полнаго* сохраненія и сложенія внутреннихъ силъ общежитія, т. е. устраненія всякой напрасной ихъ растраты, всякой ихъ убыли отъ внутренней борьбы; но когда эта задача государствомъ выполнена, то ему неизбежно приходится ее еще продолжить, — продолжить стремленіемъ къ *прибыли*, къ приращенію этихъ самыхъ внутреннихъ силъ; ибо только такимъ путемъ внѣшнее могущество государства можетъ повышаться и дальше, а вѣдь это государству совершенно необходимо въ его соперничествѣ съ другими государствами. Какъ же создать это приращеніе, эту прибыль внутреннихъ силъ?

Путь для этого только одинъ: надо дать просторъ, дать свободу творческой дѣятельности гражданъ, ибо творить, созидаетъ, накапливаетъ и распространяетъ всяческую культурную силу от-

дѣльный человѣкъ, отдѣльная человѣческая личность. Человѣческая личность — это и есть основной источникъ всякой силы въ обществѣ, какъ матеріальной, такъ и духовной.

И вотъ, такимъ образомъ, государству, во имя все тѣхъ же его внѣшнихъ цѣлей, приходится не только подавлять человѣческую личность своимъ могуществомъ, не только налагать на нее обязанности, требовать отъ нея повиновенія, но и предоставлять ей просторъ, давать ей свободу въ проявленіи ея творческихъ силъ. А это значитъ, что государство должно признать за личностью соотвѣтственные права и при томъ не только по отношенію къ другимъ личностямъ, но и по отношенію къ самому себѣ. Конечно, государство не отказывается, въ силу этого, отъ своей функціи обуздывать личность въ ея вредныхъ для общества проявленіяхъ, но оно обязывается безпрепятственно допускать всякую полезную для общества дѣятельность личности.

Все это въ совокупности составляетъ весьма важное продолженіе и усложненіе той правовой задачи, которая уже раньше стала передъ государствомъ. Прежде, на той первой ступени, государство только вводило личность въ границы, останавливало и запрещало ей всякія вредныя ея проявленія, — теперь оно должно дать ей свободу, дать ей просторъ, по крайней мѣрѣ, въ ея законныхъ, полезныхъ проявленіяхъ. А это съ правовой точки зрѣнія и сложнѣе и труднѣе. Здѣсь надо уже не только справедливо разграничивать сталкивающіеся интересы личностей, но и обезпечить гражданъ отъ незаконныхъ посягательствъ на ихъ права со стороны органовъ самой власти. Последнее же, какъ показываетъ опытъ исторіи, совершенно невозможно безъ извѣстнаго переустройства власти, безъ установленія зависимости ея отъ воли гражданъ, что исторически достигалось лишь длительной и тяжелой политической борьбой внутри государствъ, борьбой между властвующими и подвластными.

Но какъ бы то ни было, а эта, какъ ее называютъ, правовая задача, въ концѣ концовъ, удовлетворительно разрѣшается государствомъ. Не только провозглашаются въ законѣ, такъ называемыя, права человѣка и гражданина, но и сама государственная власть, какъ въ своемъ устройствѣ, такъ и въ своей дѣятельности ставится подъ контроль и въ зависимость отъ воли гражданъ. Это достигается введеніемъ въ устройство государственной вла-

сти института народного представительства съ его обычными конституционными правами, и на этой ступени своего развитія государство получаетъ названіе *правового*, потому что оно вполнѣ обеспечиваетъ, какъ индивидуальную свободу, такъ и политическія права гражданъ.

3.

Итакъ, первоначальное военное государство, во имя своихъ же собственныхъ задачъ, ради своего могущества, превращается въ концѣ концовъ въ государство правовое.

Однако, и на этомъ государственное развитіе не кончается. Государство дѣлаетъ еще шагъ впередъ и изъ правового дѣлается *культурнымъ*, или, выражаясь точнѣе, становится одновременно и правовымъ и культурнымъ.

Что же это значитъ?

Правовое государство — мы уже это видѣли — обеспечиваетъ свободу личности, предоставляетъ законный просторъ ея индивидуальной дѣятельности. Личность при этихъ условіяхъ полностью развертываетъ свои силы, даетъ все, что она можетъ изъ себя дать. Но, вѣдь, общій успѣхъ дѣятельности человѣческихъ личностей зависитъ не только отъ полноты ихъ индивидуальныхъ усилій, но также и отъ сочетанія, отъ *организации* этихъ усилій.

Усилія отдѣльныхъ лицъ должны быть соединены, координированы, организованы, — только тогда они дадутъ максимумъ возможнаго для нихъ успѣха. Кто же соединить и организуетъ культурныя усилія, культурную работу гражданъ?

Было время, когда думали, что это должны дѣлать сами же граждане, и только они одни, — что государству въ это дѣло незачѣмъ мѣшаться; полагали, что государство должно къ другимъ свободамъ гражданъ присоединить еще и свободу ихъ соединеній и организацій — но и только, т. е., что оно должно остаться исключительно правовымъ. Въ экономической области, — это доктрина, такъ называемаго, либерализма, это принципъ *laissez faire, laissez passer*; исторически и психологически — это боязнь вмѣшательства государства въ жизнь гражданъ, боязнь вполнѣ основательная, пока государство еще не поставлено подъ контроль самихъ гражданъ, пока оно не стало истинно правовымъ.

Теперь мы смотримъ на все это иначе. Свободная инициа-

тива гражданъ въ организаціи, какъ народнаго хозяйства, такъ и вообще всей культурной жизни, конечно, необходима, но она не можетъ дать всего, что требуется здѣсь для наибольшаго успѣха; да кромѣ того она и не всегда сама собой направляется въ желаемую сторону общаго блага. Тутъ нужно иное, и болѣе могучее, и болѣе планомѣрное вмѣшательство. Кто же его можетъ дать?

Только одно государство. Государство есть организаторъ по преимуществу и искони, при томъ организаторъ въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ; вѣдь государство — это же и есть самая большая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая сложная человѣческая организація. Такъ почему же ему не расширить своихъ организаторскихъ задачъ еще и дальше? почему ему не вмѣшаться съ этою цѣлью въ культурную дѣятельность гражданъ и не дать ей того, чего она не можетъ получить отъ нихъ самихъ, будутъ ли они работать по одиночкѣ, или соединять свои усилія вмѣстѣ?

И вотъ, мы видимъ, что государство и дѣйствительно вступаетъ на этотъ путь. Оно входитъ въ культурный процессъ, какъ самостоятельный дѣятель, при томъ, какъ дѣятель, съ одной стороны могучій и властный, а съ другой стороны, стремящійся къ общему благу. Государство начинаетъ содѣйствовать, помогать культурному процессу и тѣмъ усиліямъ, которыя дѣлаютъ въ немъ граждане. Оно помогаетъ такимъ образомъ культурѣ матеріальной, и оно помогаетъ культурѣ духовной. Его дѣятельность на этомъ поприщѣ, начавшаяся, впрочемъ, уже въ далекомъ прошломъ, непрерывно расширялась, и въ настоящее время получила весьма широкій и разносторонній характеръ.

Современное государство строитъ желѣзныя дороги, — проводитъ каналы, осушаетъ болота, орошаетъ пустыни, многообразно вмѣшивается въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, регулируетъ условія производства, обезпечиваетъ работниковъ на случай старости и инвалидности, и пр. и пр. Съ другой стороны, оно заботится о народномъ образованіи, содѣйствуетъ развитію наукъ и искусствъ, учреждаетъ и содержитъ академіи, музеи, устраиваетъ выставки, и пр. и пр. Какъ матеріальная, такъ и духовная жизнь народа идетъ подъ его постояннымъ покровительствомъ и при его непрерывномъ содѣйствіи. И, несомнѣнно, что это только начало дѣятельности государства въ области куль-

туры; въ дальнѣйшемъ она получитъ развитіе, о которомъ трудно даже составить себѣ теперь надлежащее представленіе. Вся культура человѣчества стремится къ социализаціи, къ обобществленію, т. е. къ такой постановкѣ, при которой съ одной стороны, цѣликомъ была бы сохранена индивидуальная свобода и индивидуальная продуктивность, а съ другой стороны, цѣликомъ были бы извлечены всѣ выгоды общественной организаціи культурнаго процесса. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что государство будетъ еще долго играть самую благотѣтельную роль въ этомъ процессѣ социализаціи культурной жизни.

4.

Такъ шло развитіе государства въ положительную, благотѣтельную для гражданъ сторону. Государство изъ военно-полицейскаго превратилось въ правовое и культурное. Оно не только обезпечило гражданамъ индивидуальную свободу, но оно много-различно и могущественно покровительствуетъ и содѣйствуетъ имъ во всякой ихъ культурной дѣятельности. Изъ необходимаго зла оно превратилось въ великое и очевидное добро.

Такой результатъ былъ, прежде всего, возможенъ потому, что, какъ уже сказано, государство, даже какъ военная организація, заключаетъ въ себѣ тенденцію развитія именно въ эту сторону.

Но, конечно, этотъ присущій государству изначала наклонъ въ сторону культуры и права, это согласіе съ правомъ и культурой его собственныхъ задачъ, давало только просторъ, открывало мѣсто для правового и культурнаго развитія, — совершалось же оно въ дѣйствительности дѣйствіемъ внутреннихъ силъ и способностей самого населенія, составлявшаго данное государство. Да не только это внутреннее культурное развитіе, но и сама государственная жизнь въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и даже военная дѣятельность государства всецѣло зависитъ отъ этого же первичнаго и глубокаго фактора, т. е. отъ качествъ и способностей самого населенія.

Созданіе и поддержаніе государства, даже какъ чисто военной организаціи, вмѣстѣ съ той военной дѣятельностью, которую приходится обнаруживать государству, нуждается въ извѣстныхъ